

ДИНА

РУБИНА

Завтра
как обычно

нецензурируемые
браны! Содержит
18+

Дина Ильинична Рубина

Завтра, как обычно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163746

Эксмо;

ISBN 978-5-04-138864-5

Аннотация

«Я купил в буфете лимоны и поднялся к себе, на второй этаж. Кулек я положил на стол, из него выкатились два маленьких солнца, я сел, подпер кулаком щеку и стал на них смотреть.

За окном в дымке застойного утра стоял голый платан с мятым лоскутом последнего листа. Лоскут вяло трепыхался на ветру.

Я не стал зажигать свет в кабинете. Пусть себе, подумал я о тумане, вот он вполз, прокрался, как преступник в комнату, занял ее, чувствует себя здесь хозяином, и вдруг является некто, приносит в кульке несколько маленьких солнц, и два из них выкатились на стол и мягко настойчиво светятся – солнца в тумане...»

Дина Рубина

Завтра, как обычно

– Жили-были дед и баба, ели кашу с молоком, – скороговоркой пробормотала Маргарита, ковыряясь ложкой в тарелке с манной кашей, – рассердился дед на бабу, трах по пузу кулаком!

– Это еще что такое? – одновременно возмутились дед и баба.

– Это детсадовский эпос, – успокоил я их.

– Саша знает, Саша – следовательно, – похвасталась самой себе Маргарита.

* * *

Я купил в буфете лимоны и поднялся к себе, на второй этаж. Кулек я положил на стол, из него выкатились два маленьких солнца, я сел, подпер кулаком щеку и стал на них смотреть.

За окном в дымке застойного утра стоял голый платан с мятым лоскутом последнего листа. Лоскут вяло трепыхался на ветру.

Я не стал зажигать свет в кабинете. Пусть себе, подумал я о тумане, вот он вполз, прокрался, как преступник, в комнату, занял ее, чувствует себя здесь хозяином, и вдруг явля-

ется некто, приносит в кулке несколько маленьких солнц, и два из них выкатились на стол и мягко, настойчиво светятся – солнца в тумане...

Отсюда, из окна моего кабинета, видно было, как копошилась во дворе дворничиха Люся – старое колесо с метлой. Согнувшись в три погибели, она обметала крыльцо. Сверху не разглядеть было беспрестанно бормочущих губ, но я знал, что Люся, как всегда, бурчит себе под нос, сварливо рассказывает свою жизнь сметаемым в кучу окуркам, бумажкам, листьям. Вон той обертке из-под пломбира рассказала о первом муже, той пачке из-под сигарет – о непутевом сыне...

В утреннем сумраке я потянулся к телефону и на ощупь набрал номер. Трубку сняла Маргарита.

– Это ты, Маргарита?! – рыкнул я.

– Ой, а кто это? – испуганно пролепетала Маргарита.

– Это старый, облезлый, ревматический медведь из леса Мурома, – прорычал я и тут же осведомился натуральным голосом: – А ты думала кто?

– Я думала, это мой братик Саша, – так же озадаченно выдохнула Маргарита.

Я представил себе ее толстую физиономию, и в груди у меня потеплело. Я собирался углубить недоразумение еще какой-нибудь звериной информацией, но в дверь робко постучались, и я опустил трубку.

– Да! – крикнул я, подскочил и, хлопнув ладонью по выключателю, зажег свет. – Войдите!

Но за дверью все так же мышино скреблись. Я поднялся и распахнул дверь.

– Да, пожалуйста!

Человек прынул от меня, как испуганный конь. В его невинно-голубых глазах смешались страх и истая преданность неважно кому.

– Вот... здрасте... – Он протягивал мне трепещущую повестку.

– Хорошо, войдите, – сказал я, – садитесь.

– Товарищ следователь... товарищ... – забормотал он, продолжая стоять в дверях. – Это такой кошмар, такое несчастье...

– Да вы проходите и успокойтесь, прошу вас. Садитесь.

Мужчина сел. Его гладко выбритые пухлые щечки, мягко провисающий двойной подбородок, точеный дамский носик – все было объято ужасом, все волновалось и подергивалось. Рука терзала закругленный воротничок розовой рубашки.

– Вы понимаете, я все расскажу, все... Потому что это недоразумение. У нас такая добропорядочная семья! Поверьте, моя жена далека от... спекуляции, фу, даже слово это по отношению к ней не выговаривается!

– Это потому, что вы волнуетесь.

Люся опять жгла мусор у деревянного забора. За это ей влетало время от времени, но плевать Люся хотела на начальство, ибо главное ее начальство – судьба – давно уже согнуло Люсю в старое колесо. Она стояла, опершись на метлу,

в мужнином пиджаке, в растоптанных белых туфлях, курила сигаретку и, задумчиво закладывая за уши пряди седой комсомольской стрижки, смотрела в огонь. А костер горел пышный, высокий, искорки над ним плясали, подталкиваемые жарким дыханием костра, и в воздухе, лениво цепляясь за голые ветви платана, плыли черные лоскутья пепла.

– Какие-то пудры, помады... черт знает что... мохер какой-то. Просто у них в музыкальной школе профсоюз делал женщинам подарки к Восьмому марта, и...

Я спрятал пакет с лимонами в ящик стола, достал чистый бланк для допроса и сказал этой невинно-розовой рубашке:

– Так. Фамилия, имя, отчество.

* * *

После того как в прошлом году дед перенес второй инфаркт, жизнь моя обратилась в кошмар. Чуть ли не каждый день я находил в своей комнате новый настырно-робкий сюрприз. На столе, прижатая будильником, лежала аккуратная четвертушка тетрадного листка, на которой дедовской твердой рукой было написано: «Наташа – 76–59—30», или «Зоя – 56–78—12», а то еще так: «Лена – 44–75—69, мама – Ирина Львовна».

Я брал бумажку двумя пальцами и выходил в столовую. Дед ходил по дому в трусах, устало передвигая волосатые ноги с квадратными гладиаторскими икрами, ноги отставного

полковника, ноги, сформированные на плацу.

– Дед, – миролюбиво говорил я, потрясая бумажкой, – опять? Что это еще за Инесса?

У деда багровела лысина, и он напряженно-спокойно отвечал:

– Это внучка моего сослуживца. Хорошая девочка, из хорошей семьи. Почему б тебе не позвонить?

– Дед, опомнись! Ну, позвоню. И что я скажу?

– Не прикидывайся, – строго отвечал дед. – Я не вечный, баба – тоже. Мне надо знать, что вы с Маргаритой устроены, тогда я умру спокойно. А ты, вероятно, забываешь, что на тебе Маргарита!

О том, что на мне Маргарита, я помнил всегда. Я оборачивался и находил ее тихий бирюзовый взгляд. Я ей подмигивал, и она энергично моргала мне обоими глазами, одним у нее пока не получалось.

Дед давно вышел в отставку, но все преподавал в военном училище, потому что он меня еще «не поднял». Всю жизнь они с бабой кого-нибудь «поднимали» – то маму, то, после ее смерти, нас с Ирккой. Теперь вот они поднимали Маргариту, хотя, конечно, подразумевалось, что процесс поднимания Маргариты не будет ими завершен в силу естественных возрастных причин, и что эта миссия будет переложена на мои плечи, к тому времени – так предполагалось – уже достаточно «поднятые». Имелась в виду приличная, хорошо оплачиваемая работа и «хорошая семья», в которую нас с Маргари-

той необходимо пристроить путем моей удачной женитьбы. Чтобы иметь возможность умереть спокойно.

Баба тоже занималась этой проблемой, даже более деятельно, чем дед. Однажды я застал дома незнакомую девушку, баба ее поила чаем, и та старательно пила этот чай. И ждала меня. И я пришел. Смотрю – девушка сидит, ничего, полненькая, симпатичная, глаза большие. Ну что я ей? Что она мне?

...Вчера на привычном месте, привычно прижатая будильником, меня ждала новая кандидатура. Не подходя к столу, я разделся, натянул домашнее – тренировочные брюки, еще со школьных уроков физкультуры, и старый свитер с латками на локтях. И только потом, вздохнув, заглянул в бумажку. Там было написано: «Иван Сергеевич – 38–87—90».

Впервые я почувствовал интерес к бумажной кандидатуре. Я выглянул в столовую и спросил:

– Дед, что, хорошая девочка – этот Иван Сергеевич?

Дед сложил газету и снял очки.

– Вот что, сынка, – сказал он, – я уже звонил и обо всем договорился. Им нужен юрист. Завтра к десяти явишься к нему, к этому Ивану Сергеевичу. Будешь работать по-человечески.

– Я не безработный, – тихо сказал я.

– Хватит. Я вижу, в кого ты превратился. Не спишь, не ешь, похудел как черт, вчера ночью кричал...

– Мне снилось, что ты меня замуж выдаешь.

– Дуся! – крикнул дед, побагровев.

И тогда из кухни выкатилась тяжелая артиллерия.

– Санечка, – умоляюще проговорила баба, – это прекрасная, спокойная должность – юрист в тресте «Метростроя». Оклад сто сорок плюс тридцать процентов премиальных каждый месяц.

– Нет, – сказал я.

– В Москву будешь ездить, даже за границу, ты же знаешь, мы в Венгрии метро строим. Бесплатный проезд по железной дороге.

– Нет! – сказал я.

Дед отшвырнул газету, вскочил и заходил по комнате, яростно сжимая и разжимая крепкие волосатые кулаки.

– Ты знаешь, Дуся, как у них называется машина, которая возит пострадавших? – спросил он на ходу и выкрикнул победно: – Труповозка!..

Баба ахнула, но деду этого показалось мало.

– Он, именно он должен разгрести помои общества! Кончится тем, что какой-нибудь бандит надерет ему уши. Нашел призвание! Целыми днями только и слышишь об ограблениях и убийствах.

– Коля, здесь ребенок! – напомнила баба.

– Подумаешь, вчера он этому ребенку объяснял, что такое судебно-медицинская экспертиза! – И дед грозно остановился передо мной и жестом пророка ткнул пальцем в угол, где в кресле сидела Маргарита и мерцала своими кошачьими гла-

зами.

– Деду-усть, – певуче протянула она, – а знаешь, как интересно.

Но дед, не снимая указующего перста с Маргариты, выставил вперед свою ногу старого гладиатора и патетически произнес:

– Его убьют в перестрелке, Дуся. Ему плевать, что станет с ребенком.

Я нервно расхохотался и ушел к себе, хлопнув дверью. Походил по комнате, посвистел, глянул на Иркину фотографию за стеклом книжной полки. Я люблю смотреть на эту фотографию, она меня успокаивает. Ирка снята на пляже. Стоит веселая, обмотанная полотенцем, и за нею вздымается облако – белое, клубистое, вполнеба. Где-то сейчас это облако? Унеслось, развеялось, затерялось в чужих краях...

В нашей семье многое подразумевалось. Так, например, подразумевалось, что я Маргарите – братик Саша, хотя на самом деле ей, согласно субординации, следовало звать меня дядей Сашей. Подразумевалось, что моя дурацкая сестра Ирка, Маргаритина мать, живет в Москве со своим вторым мужем Витей. Хотя на самом деле Витя приходился ей первым мужем, а Маргарита была в свое время принесена нам в подоле легкомысленного Иркиного платъица, голубого, в белый горошек. Подразумевалось, что Ирка – мать-одиночка, хотя на самом деле представить Ирку матерью было не под силу даже самому доброжелательному, самому умиленному

воображению.

Подразумевалось, что Ирка гордо решила рожать Маргариту, хотя в действительности, благодаря Иркиному сверхъестественному легкомыслию, дело обнаружилось спустя месяцев пять, и на мое нынешнее счастье, Маргариту убивать было поздно, пришлось ее рожать на этот свет. Сейчас я холодею при мысли, что могло быть иначе.

Подразумевалось, что еще до рождения Маргариты Ирка выгнала Толю-рыжего и решила воспитывать ребенка сама, хотя на самом деле Толя-рыжий, детина с наглой мордой, жил в соседнем подъезде и не собирался жениться на Ирке, а значит, и выгонять его было неоткуда. Подразумевалось, что я, как брат и защитник, ходил выяснять отношения с Толей-рыжим и его семьей, потому что больше выяснять было некому – дед лежал в больнице с первым инфарктом, а баба лежала дома с гипертоническим кризом. Подразумевалось, что я выяснил отношения самым исчерпывающим образом. На самом деле состоялась бездарная драка, в которой будущий Маргаритин папа выбил зуб будущему Маргаритиному дяде. По этому поводу я страдаю до сих пор, потому что не могу улыбнуться по-человечески ни одной девушке.

Из роддома Маргариту забирал я. Мне положили на руки легкий белый сверток, я заглянул под накинутый уголок одеяльца и натолкнулся на бессмысленный Маргаритин взгляд.

– Как держите, папаша!левой снизу возьмите! – сказала мне медсестра.

Я забормотал что-то и сунул трешку в карман ее халата. Такое указание передала мне в записке Ирка. Она семенила сзади, и на лице ее играла счастливая улыбка.

Мне было семнадцать лет, я нес Маргариту через двор роддома к воротам и не знал, зачем мне нужен этот сверток и что с ним делать. Привез я Маргариту уже сюда, в новую квартиру, на которую мы срочно и невыгодно обменялись.

Сразу же после рождения Маргариты Ирке вздумалось поехать в Москву поступать учиться «куда-нибудь». Поступить она, конечно, никуда не поступила, но за этот короткий период времени успела встретить Витю, студента циркового училища. Витя взял Ирку замуж сразу же, в том же голубом в белый горошек платьице. Он полюбил ее такую дурацкую, какая она есть, и сделал из Ирки цирковую артистку. Теперь она ассистирует Вите, у них даже отдельный номер, «свой», как гордо рассказывала Ирка по телефону. Кажется, номер заключается в следующем: Ирка держит в зубах сигарету, а Витя гасит эту сигарету ударом хлыста. Или каната. Я не очень понял бестолковое Иркино объяснение, но, собственно, мне-то что! Худсовет этот номер принял, и слава богу... Ирка с Витей постоянно разъезжают, у них гастроли и бурная цирковая жизнь, а Маргарита тихо растет в нашем доме, и теперь уже совершенно очевидно, что останется со мною навсегда.

Я сидел за письменным столом и быстро, одной нервной линией рисовал на дедовской записочке с нужным телефо-

ном ужасные морды. Тут вошла баба, обняла меня за шею и поцеловала в затылок.

– Ба, ну не могу я больше! – взвился я. – Ну чего он чушь порет!

– Саня, ты же знаешь деда, – сказала баба и стала, как в детстве, хлопотать над моим чубом – то убирала его со лба набок, то разглаживала опять, – он переживает за тебя, за Маргаритку... Мы ж и в самом деле не вечные, Саня. Оста-
нетесь вы с ней одни.

– Начина-ается! Со святыми упокой.

– Ну не раздражайся, не раздражайся. – Она быстро и мягко гладила меня по плечу. – Ты взгляни правде в глаза – и поймешь, что дед прав. Ну какой из тебя следователь? Ты такой мягкий, добрый...

– Маленький, – продолжил я, – метр шестьдесят...

– Дело, конечно, не в росте. Да ты, Саня, и сам сбежишь оттуда, не выдержишь.

– Выдержу! – упрямо сказал я и дернул головой, чтобы баба не теребила волосы, хотя мне это было приятно.

Помимо преподавания географии, баба всю жизнь вела классное руководство. К нам до сих пор в самые неподходящие моменты являлись бывшие ученики с букетами цветов. Почему-то они приходили целыми выпусками, человек по пятнадцать, и весело толпились в нашей маленькой квартирке. И надо было их принимать, поить чаем, мыть после них полы. Баба очень тосковала по воспитательной работе.

– Ты должен крепко встать на ноги в материальном смысле, – продолжала она, – а там, в метро, премии, Саня, и тринадцатая зарплата.

– Баба, не обрабатывай меня! – попросил я.

– Прекратятся эти кошмарные дежурства, когда мы с дедом всю ночь не спим и ждем тебя с валидолом в зубах.

– Ну, никто не виноват, что вы – комедийные персонажи. Не налегай на меня, пожалуйста, позвоночник хрустнет.

– Ну, хорошо! – решительно сказала баба. – Зайти-то ты можешь к этому человеку, поговорить?

– Зачем?

– Может, тебе там приглянется...

Я молчал, продолжая рисовать одной линией клыкастые морды.

– Саша! Ради меня!

– Сказал – не пойду, значит, не пойду! – буркнул я.

За моей спиной воцарилась пауза, полная оскорбленного достоинства.

– Ладно, Саша, – сказала баба, смиренно вздохнув, – тебе видней. Может, действительно, не стоит. Может, в этой милиции твое призвание. Ладно, не ходи.

– Ну, хорошо, пойду. – Я просто не вынес ее горя.

– Зачем, Саша, если душа не лежит?

– Сказал – пойду, значит, пойду! – буркнул я.

Баба замерла за моей спиной, еще раз контрольно вздохнула, чтобы я не вздумал забыть о ее горестной озабоченно-

сти моей судьбой, поцеловала меня в макушку и вышла.

* * *

Секретарша – глазастая, с милым носиком и округлым подбородком, – этакая Ярославна, стриженная под пятиклассника, княжила на государстве телефонных аппаратов. Она манипулировала цветными трубками с потрясающей ловкостью, и этим напоминала уличного регулировщика с большим стажем.

Я спросил у нее, кивнув подбородком на дверь кабинета:
– У себя?

Секретарша почесала карандашом в мальчишеском чубчике и спросила буднично:

– А вы кто?

– Я по поводу устройства на работу. Юрисконсультом.

– А, – сказала она, – сейчас... – Поднялась и ослепила меня разрезом на джинсовой юбке.

«А что, – подумал я, – может, и вправду остаться здесь работать?»

Она выглянула из кабинета и так же буднично сказала:
– Заходите.

И я вошел в вольер ко льву. Лев восседал за нескончаемым, как посадочная полоса, столом, положив лапы перед собой, как египетский сфинкс. У него была массивная морда с жесткой всклокоченной гривой, по обе стороны мясистой

переносицы самостоятельно и проворно жили глазки – себе на уме.

Я поздоровался и назвался. Он, не поднимаясь, качнулся мне навстречу и сказал:

– Так. Алек-сандр Ни-ки-фо-ро-вич... – Он тщательно проговаривал все буквы моего нестандартного отчества, казалось даже, добавлял где-то в середине два-три лишних слога и любовался, как это славно получается. Наматывал мое имя-отчество, как ленточку серпантина на палец. – Значит, Александр... Никифорович... Не слишком ли вы молоды для нас?

– А что? Вообще-то у меня диплом с отличием... – почему-то возразил я, как будто и в самом деле стремился во что бы то ни стало устроиться под его львиной лапой.

– Да? Ну, добро, добро. Здесь вот такая штука, Александр Никифорович... Вы где работаете?

– Я работаю следователем отделения милиции Кировского района, – ответил я, стараясь глядеть на него пристально, тем самым внушая уважение к своей кандидатуре.

Он хмыкнул, запустил тяжелую лапу в жесткую гриву и поскреб там.

– Ну и как? – спросил он. – Всех переловил?

– Кого? – тупо спросил я, продолжая сверлить льва взглядом дрессировщика.

– Да, ну ладно... – спохватился он, – у нас, Александр Никифорович, видите ли, семь надомников в разных кон-

цах города, но это меня совершенно не устраивает. Нужен юрист, который бы выполнял работу за этих бездельников. Не скрываю, дело хлопотное. Возможно, где-то в чем-то придется выполнять и функции снабженца. Предупреждаю: будут частые поездки в Москву. Очень частые. Очень. Скажем, вызываю я вас завтра и говорю: «Александр Никифорович, нужны трубы!» – и вы летите за трубами. Вызываю послезавтра и говорю: «Александр Никифорович, нужен кабель!» – и вы летите выбивать кабель.

– Понятно, – сказал я.

– Квартиры – предупреждаю сразу – не будет. А то все вы думаете, раз метро, так сразу и квартира.

– У меня есть площадь, – сказал я.

– Ну, и прекрасно... – почему-то расстроено проговорил он, но вспомнил еще что-то и радостно встрепенулся: – Кабинета я вам не дам, взять неоткуда. Будете сидеть в комнате с четырьмя столами, каждый со своим норомом. А вскоре надеюсь выбить расширение штатов и тогда найду вам хорошего начальника.

– Спасибо, – сказал я.

Тут в дверь заглянул паренек, щуплый и утомленный, и лев обрадовался:

– Во! Это заместитель главного инженера Леонид Осипович. Знакомьтесь. Леонид Осипович введет вас в курс дела.

Леонид Осипович затравленно сунул мне вялую руку, как будто это была не рука, а некий неловкий конвертик, и по-

просил сигарету. Мы вышли покурить, и я спросил у него:

– Слушай, честно – работенка скандальная?

– Ужасно, – вздохнув, признался он. – Нервотрепка, предпусковой год. А сейчас кольцевую линию будем строить, каждый год станцию сдавать. Вот и считай, что этих предпусковых годков вперед лет на пятнадцать наберется... А ты загнешься, парень. Они ж воруют, гады! Воруют – только отвернись! – И добавил тоскливо: – У нас же мрамор, понял? На могилы.

– На чьи могилы? – спросил я голосом, каким старался говорить на допросах.

– Ну, на памятники... Ужас, сколько тащат! И перепродают. – Он взглянул на часы, ахнул, ткнул окурком в пепельницу на столе секретарши и, не попрощавшись, выбежал.

А я вернулся в вольер ко льву.

Когда я вошел, он сидел, полуотвернувшись, и говорил секретарше:

– Никаких благ ему не обещайте, а то будет драть с нас. – Обернулся и, поняв, что я слышал, изобразил участливое выражение лица, вследствие чего мясистые массы задвигались во всех направлениях – параллельных и противоположных. – А, Александр Никифорович! Ну как, поговорили? – ласково спросил он, и глазки его зашныряли туда-сюда, соображая что-то свое. Но я не дал им ничего сообразить, потому что разозлился.

– Да, – сказал я. – Мне очень нравится у вас, но боюсь, я

вам не подхожу.

– Почему же? – озабоченно спросил лев. – Мы в вас заинтересованы.

– Знаете, специфика работы юрисконсульта...

– Разберетесь! – Он хлопнул по столу.

– Возможно, но все-таки слишком частые поездки...

– Не такие уж и частые!

Мне стало весело. «Ах ты, мой хороший...» – подумал я, любовно оглядывая его гриву, и сказал:

– И потом, знаете, я человек взрослый, у меня обстоятельства могут измениться, в смысле семейных дел.

– Ну, Александр Никифорович, – забормотал он, гоня глазки из угла в угол. – Что ж, квартира – это дело наживное. Обмозгуем, конечно...

– Я подумаю, – пообещал я.

Он проводил меня до дверей и на прощание потрепал по плечу тяжелой своей лапой.

– Лилия Константиновна, проводите, – велел он секретарше.

Она деловито кивнула головой мальчика-хорошиста и пошла впереди меня, как будто я не нашел бы двери. Она была удивительно бесстрастна. Ни капли интереса в чистеньких серых глазах. Я попытался представить, что бы сейчас произошло, если б я ущипнул ее. Нет, в самом деле, я совершенно не представлял ее реакции.

– До свидания, – она мазнула по мне безразличным взгля-

дом.

«Ущипнуть и поглядеть – что будет», – подумал я и сказал накрахмаленным голосом:

– До свидания.

* * *

Я вернулся как раз в обеденный перерыв. Гришка Шуст со своей Лизой не дождались меня и ушли обедать в столовую трикотажной фабрики. Это рядом, и кормят приличней, чем у нас, комплексными обедами. А я из-за двух совершенно зря перехваченных в пути чебуреков есть не хотел, сидел в кабинете и листал дело Юрия Сорокина, потому что после обеда собирался к нему в тюрьму, на допрос.

Открыв ящик стола, я обнаружил там утренние лимоны. Они выкатились из кулька и свободно раскатывались по пустому ящику. Отраднй глазу желтый плод, подумал я, прохладный и шершавый, полезай в портфель. А из портфеля вытащил наконец целлофановый пакетик с деньгами – вещественное доказательство по делу о спекуляции, которое я зачем-то таскаю с собой вот уже два дня. В сундук его, в сундук! Я пересчитал пачку: трешки, рубли и мятый тряпичный четвертак – итого сто девяносто шесть рублей. Открыл небольшой кованый сундук в углу – он у нас вместо сейфа, для «вещдоков» – и положил пачку. Возможно, сундук и сам был когда-то вещественным доказательством в ка-

ком-нибудь давно забытом деле, а потом вот пригодился.

Никогда он не пустует, железный гроб, вечно полон «подарочками»...

В детстве в наш старый двор часто приезжал Шара-Бара на тележке, запряженной унылым, покорным судьбе ишачком. Шара-Бара был старый сухонький узбек в линялом, засаленном на локтях халате, в затертой тубетейке. Вот из-за угла показывался ишачок: мерно цокая, выходил в середину двора, к большой песочнице. Старик чмокал, дергал вожжи и неожиданным для своей убогой фигурки мощным воплем раскатывал:

– Ша-ар-ря-а – Барр-ря-а! Путькя тащи-и!

Этот призывный вопль был для нас, ребятни, радостным кличем, неким гонгом удачи, знаменовавшим открытие сказочного торго, пиршества удовольствий. Это был призыв к веселию и деятельной радости бытия. Бутылки, пустые бутылки без малейшего изъяна, и ничего кроме! Ни деньги, ни что-либо другое – только пустые бутылки! За бутылку у старика можно было приобрести какую-нибудь уникальную вещь – трещотку или свистульку с одновременно выдувающимся шариком, или красного глиняного козла, или... Бог знает, что можно было обменять на пустую бутылку! Кажется, у козла сзади было отверстие для свистка, кажется, за козла старик брал две бутылки...

Все содержимое сказочной тележки вместе с хозяином на-

зывалось «Шара-Бара». Зимой он не приезжал, только летом и в начале осени. Должно быть, зимой занимался другим бизнесом. Помню себя – в трусах, босым, со сбитыми локтями и коленями, и я мчусь по раскаленному асфальту двора к вожденной тележке, крепко сжимая за горлышки две бутылки из-под постного масла. Его появление было так сопряжено, так слито воедино с зеленью двора, с обжигающим ступни асфальтом, с иссиня-синим небом моего города.

Только буйная радость, только азарт обмена – пустая, никому не нужная бутылка на одно из волнующих чудес заветной тележки, только буйная радость, только азарт...

Почему же каждый раз, заглядывая в наш сундук с «вещдоками», я вспоминаю тележку «Шара-Бара»? Отчего? Что за мучительная нить связывает их в моем воображении?

– Сашенька-а, приве-ет, – пропел за моей спиной женский голос.

– Привет, красотка, – сказал я, не оборачиваясь.

– Сидишь над сундуком, скупой рыцарь. – Она подошла и обняла меня сзади за шею. – Маленький ты мой!

– Разомкни объятия, – сказал я, не шевелясь, потому что мне приятно было ощущать шей и щеками шершавость ее свитера. – Сейчас войдет твой Шуст и зарежет меня одним из вещественных доказательств.

– Шуст к тебе не ревнует, – возразила она, захлопнула крышку сундука и села на нее. Теперь Лиза сидела лицом ко мне.

– Почему это не ревнует? – заинтересовался я.

В лице ее мне чудилось что-то испанское – яркое и трагическое. Да что там – просто хороши были оливковые насмешливые глаза под летучими бровями и всегда печальные, даже в улыбке, губы. Лиза нравилась мне, поэтому в разговоре с нею я старался почаще упоминать Григория. Себе напоминал, на всякий случай.

Гришка был женат, но любил не жену, а Лизу. Лизу любил, но и дочку свою четырехлетнюю любил. Так и жил вот уже два года, с тех пор как Лизу встретил. Вырывался к ней после дежурств, раз в неделю, все остальные дни они только смотрели друг на друга, как очумелые, да я вертелся между ними. Лизин сын Ванька называл Григория «папой».

– Мать-Испания... – сказал я, любуясь ее прелестным нервным лицом, – скажи, что отдать за тебя: коня? фамильную шпагу? презренную мою жизнь?

– Ну, как дела в метро? – спросила Лиза. – Договорился?

– Ага, – сказал я, – совсем было договорился, да понимаешь, секретарша там...

– Что секретарша? – насторожилась Лиза.

– Да вот, хорошенькая такая, ласковая, на шее повисла, на грудь припала, говорит, ах, какая у вас романтическая профессия – следователь, у вас, наверное, и наган есть? Прямо не представляю вас без нагана, говорит.

– Врешь ведь? – засмеялась Лиза.

– Ты лучше скажи, почему это Шуст тебя ко мне не рев-

нует, а? – переспросил я.

– Ты маленький, – ласково объяснила Лиза. Говорила она быстро, с придыханием, с мягким «г». – Ты мой хорошенький, лапонька моя, сынулечка-пупулечка...

– Что за гадости ты говоришь мне, Лизавета? – возмутился я. – Твой Шуст занимался только на два курса раньше меня!

– Все равно, он взрослый, а ты маленький. Надо тебя женить.

– Меня женить трудно, Лиза. Я женщина с ребенком.

Тут вошел ее ржаной красавец Шуст, и она сразу переключила все внимание на него.

– Гришенька, – проворковала Лиза, – в чем это ты рубашку извозил? Нет, не здесь, на локте?

– Ладно, ребята, я в тюрьму поехал, – сказал я, собирая в портфель бумаги. – Если кто придет – буду часа через два.

– Да не на этом локте, а на том!

Гришка выворачивал локти, как кузнечик. Я посмотрел на них обоих, одурелых от безвыходной любви, и вышел из кабинета.

Прежде чем сесть в автобус, я зашел в гастроном напротив, за «Примой». Такое уж у нас было неписаное правило – едешь на допрос в тюрьму, вези подследственному курево. Законом это, конечно, не предусматривалось.

В гастрономе стояла небольшая очередь за окороком, и я, конечно же, побежал туда и пристроился крайним.

Впереди меня стоял мужчина со свинцовым лицом, помеченным множеством ссадин. Иные были свежие, иные зажившие. Волосы его – серые, редкие – свалились в косички. Он был уже «хороший» и потому преувеличенно трезвым голосом зычно покрикивал:

– Левко! Я здесь! Левко!

Левко – старая, когда-то белая, лет десять не мытая болонка – бегала по гастроному и обнюхивала покупателей. Шерсть ее, как волосы на голове хозяина, свалилась в бурые косицы, а влажный нос был любопытным и озабоченным.

– Левко! Я здесь!

Болонка бросилась на голос хозяина, остановилась у ног и подняла вверх косматую морду. Она с любовью смотрела в испитое лицо, она плевать хотела на все в мире, только бы он – ее кумир, ненаглядный божок – был доволен ее собачьим усердием.

Мужчина купил триста граммов окорока и две бутылки «Российской».

– Левко, пойдем! – не оглядываясь на болонку, скомандовал он, и Левко бросился следом. Через большое окно гастронома вся очередь наблюдала, как они переходят дорогу. Мужчина зыбкой походкой пропойцы, болонка – подобострастной трусцой. И даже на расстоянии видно было, как беззаветно, страстно, трепетно любит она это опустившееся, быть может, никому уже, кроме нее, не нужное существо.

Проехала машина, увлекая за собой шлейф иссохших ко-

ричевых листьев, прах лета...

Автобус остановился напротив здания тюрьмы. От остановки было видно, как по крыше розового следственного корпуса прогуливались голуби. Я вынул из кармана пропуск и пошел к воротам.

Во внутреннем дворе, возле дверей кухни, стояла телега, запряженная белой тюремной клячей. Изольда уже лет семнадцать возила арестантам продукты, вот и сейчас на телеге стояли две бочки с квашеной капустой. Изольда тупо смотрела себе под ноги, где бойко перескакивала через вонючий ручеек трясогузка, туда и обратно, туда и обратно. Изольда лениво подергивала хвостом, отгоняя мух, и было заметно, что ей неприятно это суетящееся существо под ее худыми старыми ногами.

Выводной сегодня дежурила Наташа – огромная сильная женщина лет тридцати пяти, с челкой и медленным взором наивных зеленых глаз. Арестанты ее боялись и по коридору к камерам шли молча, аккуратно.

Я зашел в свободную, одиннадцатую камеру и ждал, когда Наташа приведет «моего». Было тихо, лишь через маленькое зарешеченное окошко под потолком еле слышно доносились «ладушки» – высокий женский голос что-то кричал на волю, слов было не разобрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.